
pocket**book**

rocket**book**

ГЕЙЛ ФОРМАН

Только один год

МОСКВА
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф79

Gayle Forman
JUST ONE YEAR

Copyright © 2013 by Gayle Forman

Перевод с английского Ю. Федоровой

Оформление серии А. Саукова

Форман, Гейл.

Ф79 Только один год / Гейл Форман ; [пер. с англ. Ю. Л. Федоровой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с.

ISBN 978-5-699-85237-6

История любви Уиллема и Эллисон тронула читателей во всем мире — книга «Всего один день» разошлась огромными тиражами. Герои провели вместе лишь один день, а потом расстались по трагической случайности. У них не было ни малейшего шанса найти друг друга — ни адресами, ни телефонами они обменяться не успели. Но оба были уверены, что должны быть вместе. Ведь, чтобы это понять, совсем необязательно нужно время — достаточно одного дня.

«Только один год» — история Уиллема. Он снова стал играть в театре и понял, что быть актером — его призвание. Он познакомился с новыми людьми и много путешествовал. Но ни интересная работа, ни новые знакомства, ни перемена мест не позволяли ему забыть девушку, с которой он провел день. Ведь судьбу не обманешь. А она, похоже, развела их с Эллисон только для того, чтобы проверить их чувства...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Федорова Ю., перевод на русский язык,
2015

© ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-85237-6

*Посвящается
Марджерри, Тамаре и Либбе*

Взвейся ввысь, язык огня!¹

Дома мне было гораздо лучше. Но, как известно, путешественники обязаны восхищаться всем, что видят².

*Из пьесы Уильяма Шекспира
«Как вам это понравится»*

¹ Строка из пьесы «Макбет» У. Шекспира, цитируется в переводе Б. Пастернака.

² Перевод В. Левика.

Часть первая ОДИН ГОД

Один

АВГУСТ
ПАРИЖ

Мне часто снится один и тот же сон: я лечу в самолете высоко над облаками. Он начинает снижаться, а меня охватывает паника от внезапного понимания, что я оказался не на том самолете и лечу не туда. Я в таких снах никогда не знаю, где мы сейчас приземлимся — в центре военных действий, в зоне какой-нибудь эпидемии или вообще в другом веке, — понимаю только, что не там, где надо. Иногда я пытаюсь спросить, куда мы летим, у человека в соседнем кресле, но не вижу лица, не слышу ответа. От звука опускающихся шасси я просыпаюсь — в поту, дезориентированный, сердце бешено колотится. На то, чтобы понять, где я (в чьей-то квартире в Праге, в хостеле в Каире), обычно уходит несколько секунд, но когда я это вспоминаю, ощущение потерянности возвращается.

Кажется, я и сейчас нахожусь в этом сне. Как и всегда, я приподнимаю шторку, чтобы

Гейл Форман

посмотреть на облака. Чувствуется, как накрываются моторы, как самолет тянет вниз, в ушах появляется давление, в сердце — страх. Я поворачиваюсь к безликому соседу — но в этот раз это не какой-нибудь незнакомец. Мы летим вместе. От этого мне становится легче. Не могли же мы оба сесть не в тот самолет.

— Ты знаешь, куда мы летим? — спрашиваю я, пододвигаясь. И вот сейчас я увижу лицо, услышу ответ, узнаю, куда же я лечу...

Но тут раздается вой сирен.

Впервые я обратил на них внимание в Дубровнике. Я тогда путешествовал с парнем, с которым познакомился в Албании, и вдруг завывла сирена, прямо как в американском боевике. Он сказал, что в каждой стране у них свой звук. «Штука полезная — если забудешь, где ты, можно закрыть глаза, и сирена тебе напомнит». Я к тому времени путешествовал уже год, и мне потребовалось несколько минут, чтобы вспомнить, как они звучат на родине. У нас их рев похож на музыку, вверх-вниз, ла-ла-ла-ла, словно кто-то напевает, рассеянно, но радостно.

Сейчас сирена звучит иначе, монотонно. Мее-мее, мее-мее, словно бляенье электрической овцы. По мере приближения или удале-

ния звук не становится громче или тише; нет, это непрерывная стена воя. И как я ни стараюсь, я все равно не понимаю, где нахожусь.

Знаю только, что не дома.

Я открываю глаза. Все залито ярким светом, он падает сверху. Мои глаза горят: многочисленные крошечные взрывы, похожие на уколы булавок, вызывают адскую боль. Я закрываю их.

Кай. Парня, с которым мы летели из Тираны в Дубровник, звали Каем. Мы пили с ним хорватское пиво на городском валу, а потом, хохоча, ссали в Адриатическое море. Его звали Каем. Он был финном.

Сирена все ревет. Я все еще не понял, где я.

Вой прекращается. Слышно, как открывается дверь, в меня брызгают водой, двигают. Кажется, что глаза лучше не открывать. Вряд ли я хочу хоть что-то из этого видеть.

Но меня заставляют это сделать, в глаза снова бьет свет — яркий, и от него так же больно, как тогда, когда я слишком долго смотрел на солнце во время затмения. Саба говорил мне, что не надо так делать, но иногда оторваться просто невозможно. Потом у меня несколько часов болела голова. Мигрень от

затмения. Так в новостях говорили. Она возникает у многих, кто долго смотрел на солнце. Это я тоже знаю. Не знаю только, где нахожусь.

Теперь до меня доносятся какие-то голоса, как эхо из тоннеля. Я их слышу, но разобрать, что говорят, не могу.

— *Comment vous appelez-vous?* — спрашивает кто-то на неродном мне языке, но я его почему-то понимаю. «Как вас зовут?»

— Вы можете сказать, как вас зовут? — повторяют на другом языке, тоже на чужом.

— Уиллем де Рюйтер, — это уже мой голос. И мое имя.

— Хорошо, — отвечает мужчина. Он опять начинает говорить на другом языке. На французском. Говорит, что собственное имя я назвал верно, интересно, откуда он это знает. На миг возникает чувство, что это Брам, но, хоть у меня в голове все спуталось, я понимаю, что это невозможно. Брам французский язык так и не выучил.

— Уиллем, мы сейчас вас посадим.

Спинка кровати — кажется, я в кровати — едет вперед. Снова пробую открыть глаза. Все плывет, но я вижу яркий свет, обшарпанные стены, металлический стол.

— Уиллем, вы в больнице, — сообщает мужчина.

Да, это до меня и самого уже начало доходить. Это также объясняет, почему у меня майка в крови, хотя наличие самой майки не объясняет — она не моя. Какая-то серая, с красными буквами «SOS». Что это означает? Чья это майка? Чья на ней кровь?

Я осматриваюсь. Вижу мужчину — врача? — в халате, рядом с ним медсестра, она протягивает мне ледяной компресс. Я касаюсь своей щеки. Она распухла и горит. На пальцах теперь тоже кровь. Ответ на один вопрос есть.

— Вы в Париже, — добавляет врач, — вы помните, где это?

Я ем таджин¹ с Яэль и Брамом, пускаю по кругу шляпу после выступления на Монмартре с акробатами из Германии. Я весь потный, мы с Селин колбасимся на выступлении «Моллиер зен Молли» в «Диван дю Монд»². Я бегу, несусь по рынку Барбеса, держа за руку какую-то девчонку.

¹ Блюдо из мяса и овощей, популярное в странах Магриба.

² *Le divan du monde* — бывший театр, а сегодня — концертная площадка в Париже, неподалеку от площади Пигаль.

Гейл Форман

Кто она?

— Во Франции, — едва бормочу я. Язык меня не слушается и напоминает шерстяной носок.

— Вы помните, что произошло? — спрашивает врач.

Я слышу топот ботинок и чувствую привкус крови; во рту ее скопилось прилично. Не зная, что с этим еще можно поделать, сглатываю.

— Похоже, вы стали участником драки, — продолжает доктор. — Вам надо будет заявить в полицию. Но сначала мы наложим вам швы на лицо, а еще необходимо сделать томограмму головного мозга, чтобы убедиться, что у вас не образовалась субдуральная гематома. Вы здесь отдыхаете?

Черные волосы. Нежное дыхание. Гнетущее чувство, что я где-то забыл что-то ценное. Я похлопываю по карману.

— А мои вещи? — спрашиваю я.

— Ваш рюкзак нашли на месте происшествия, из него все высыпалось, но паспорт остался. Как и кошелек.

Он подает мне бумажник. Там не меньше сотни евро, хотя, по моим воспоминаниям, должно быть намного больше. Удостоверения личности нет.

— Мы также обнаружили это. — Он показывает мне маленькую черную книжку. — Денег в кошельке осталось прилично, да? Значит, на ограбление не похоже, разве что вы при нападении сопротивлялись. — Он хмуро смотрит на меня, кажется, считая подобный вариант глупостью.

Сопrotивлялся ли я? Голова как в тумане, похоже на дымку, которая поднимается от каналов по утрам, я всегда смотрел на нее и хотел сжечь. Мне постоянно было холодно. Яэль объясняла это тем, что я хоть и похож внешне на голландца, но во мне течет ее средиземноморская кровь. Это я помню, и то, как кутался в колючее шерстяное одеяло, чтобы согреться. Теперь я знаю, где нахожусь, но я все еще не знаю, почему. В Париже меня быть не должно. Я собирался в Голландию. Может, поэтому я так по-дурацки себя чувствую.

Гори, сгорай, повелеваю я туману. Но он такой же упрямый, как и у нас, в Голландии. Или, может, моя сила воли так же слаба, как зимнее солнце. Как бы то ни было, он не сгорает.

— Знаете, какое сегодня число? — спрашивает врач.

Я пытаюсь сосредоточиться на числах, но они плывут, как листья по канаве; в этом

ничего необычного. Я помню, что обычно не знаю даты. Да мне и не нужно. Я качаю головой.

— А месяц?

Augustus. Août¹. Нет, надо по-английски.

— Август.

— День недели?

Donderdag², говорит кто-то в голове. Четверг.

— Четверг? — неуверенно отвечаю я.

— Пятница, — поправляет врач, и гнетущее чувство усиливается. Может, в пятницу я должен был где-то быть.

Раздается звонок интеркома. Доктор берет трубку, с минуту разговаривает, потом кладет ее и поворачивается ко мне.

— Рентген можно будет сделать через тридцать минут. — Он начинает рассказывать о commotions cérébrales, сотрясении мозга и кратковременной потере памяти, компьютерной томографии и сканировании мозга, но я из этого практически ничего не понимаю.

— Позвонить кому-нибудь? — спрашивает он. Я чувствую, что надо, но совершенно не могу сообразить, кому. Брама нет, Сабы нет,

¹ Август на голландском и французском языках.

² Четверг (голл.).

да, вероятно, и Яэль уже тоже. Кто у меня еще остался?

Меня настигает волна тошноты, внезапно, словно со спины. И вот моя кровавая майка теперь еще и заблевана. Медсестра быстро схватила лоток, но не успела. Она подает мне полотенце. Врач рассказывает что-то о взаимосвязи сотрясения мозга и тошноты. К глазам подступили слезы. Я так и не научился блевать, чтобы не плакать.

Сестра другим полотенцем вытирает мое лицо.

— Ой, упустила пятнышко, — говорит она, нежно улыбаясь. — Вон, на часах.

На запястье у меня блестящие золотые часы. Не мои. На миг появляется видение, что они на руке у девушки. Мой взгляд поднимается по тонкой руке до сильного плеча, за ним идет лебединая шея. Я готов к тому, что лица не увижу, как во сне. Но нет.

У нее темные волосы. Светлая кожа. Теплый взгляд.

Я снова смотрю на часы. Стекло треснуло, но они еще тикают. Показывают девять. Я начинаю подозревать, что именно я забыл.

Я пытаюсь сесть. Мир превращается в кашу.

Доктор берет меня за плечо и укладывает обратно.